

Николай Бажин

Искорка

Николай Федотович Бажин

Искорка

Аннотация

«Шел третий день Рождества. Около полудня отворилась маленькая, проделанная в полотнище ворот, калитка одного невзрачного дома на Покровской улице губернского города Норска, и из этой калитки вылез, как волк из своего логовища, высокий господин, не совсем заурядный по своему виду. Пальто, черная шляпа, шелковый шарф на шее, лайковые перчатки на руках, все, до кончика сапогов, было на нем старое, потертое, заношенное, плохо вычищенное, но, несмотря на это, ухитрялось глядеть таким образом, как будто хотело внушить всем и каждому, что оно не какое-нибудь простое ветхое тряпье, а имеет честь сидеть на теле настоящего барина, хотя бы и спившегося...»

Содержание

I	4
II	9
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Бажин

Искорка

I

Шел третий день Рождества. Около полудня отворилась маленькая, проделанная в полотнище ворот, калитка одного невзрачного дома на Покровской улице губернского города Норска, и из этой калитки вылез, как волк из своего логовища, высокий господин, не совсем заурядный по своему виду. Пальто, черная шляпа, шелковый шарф на шее, лайковые перчатки на руках, все, до кончика сапогов, было на нем старое, потертое, заношенное, плохо вычищенное, но, несмотря на это, ухитрилось глядеть таким образом, как будто хотело внушить всем и каждому, что оно не какое-нибудь простое ветхое тряпье, а имеет честь сидеть на теле настоящего барина, хотя бы и спившегося. Сам «барин» слегка ёжил-ся от охватившего его холода, худощавое лицо его посинело, на ресницах навернулись слезинки; но, вылезши из калитки, он выпрямился, как шест, даже закинул и несколько назад голову и посмотрел на проходившую мимо ворот кучку нарядных и веселых молодых мужчин и женщин недобрым взглядом, ясно говорившим: «А ну-ка! Попробуй кто-нибудь хоть усмехнуться, глядя на мой костюм и озябшую

физиономию!..» И, взглянув в его глаза, все тотчас же чувствовали, что этого странного долговязого господина лучше не задевать, ибо он, как видно, принадлежит к числу тех людей, которые, при случае, не только не стесняются устроить какой угодно скандал, но устроят его даже с большим удовольствием.

Проводив глазами этих веселых и нарядных молодых людей, шедших налево, странный господин, фамилия которого была – Межин, неторопливо пошел направо. В одном из соседних домов была мясная лавка. Перед ее дверью похаживал взад и вперед по тротуару приказчик, Савиныч, уже пожилой человек, с проседью в черных волосах бороды и усов, с мутными глазами, смотревшими больше исподлобья, и с тем неопределенным выражением лица, – не то печальным, не то угрюмым, не то напряженно-задумчивым, – которое нередко бывает у тяжело больных и сильно пьющих людей.

Увидев еще издали неторопливо приближавшегося к нему Межина, Савиныч укоризненно покачал головой и показал ему рукой на бледное зимнее солнце, поднявшееся уже до высокой точки, до какой оно способно было достигнуть в эту пору года. Межин, также издали, поднял к плечу руку в ветхой перчатке и приникнул склоненной головой к ее ладони, показывая этим, что спал, и очень сладко.

– Чего заспался?.. Я уж думал, не проглядел ли как-нибудь тебя; уж два раза наведывался туда, – сказал Савиныч, указывая через плечо на видневшийся невдалеке трактир

«Москва».

– Совсем бы не вставать... Спина так болит... насилу могу разогнуть поясницу, – пожаловался Межин, морщась.

– Поясницу-у?! Да в какой же это работе ты так натрудил ее? – с насмешливым удивлением пошутил Савиныч.

– Простудил.

Савиныч слегка фыркнул.

– Хе... Очень ты нежен... В нашем житье-бытье надо, брат, привыкать ко всему. Это не то, что у мамашеньки на ручках или у...

Не договорив того, что собирался сказать, Савиныч вдруг снял свой картуз и отвесил весьма низкий приказчий поклон кому-то, подходившему с той стороны, к которой его собеседник стоял спиной. Межин оглянулся. Шло целое «гнездо», как выразился он мысленно. Впереди подвигались, враздробь перебирая ножками, два нарядные маленькие мальчика и еще более нарядная девочка, немного постарше. За ними шли или, вернее, выступали парой: закутанный в черные меха светловолосый, невысокий, пухлый господин, с несколько откинутой назад головой, и завернутая в белые меха темноволосая, темноглазая дама с ярко-красными губами и с румянцем во всю щеку. Межин окинул их тем вызывающим взглядом, каким он довольно давно уже привык поглядывать на всех людей, способных отнестись к нему сколько-нибудь свысока; но вдруг в его недобрых глазах показалось что-то вроде недоумения, удивления, даже замеша-

тельства. Не любивший уступать кому бы то ни было дороги, он как будто нехотя отступил шага на два в сторону с середины тротуара и, немного опустив голову, сдвинув брови, все с тем же недоумением глядел исподлобья на проходившее мимо него «гнездо».

– Кто такие? – спросил он, когда «гнездо» проследовало дальше.

– Тут... чиновник один новый... Из Петербурга его сюда... Вон там, в мотыльковском доме, квартиру себе нанял, – вполголоса отвечал Савиных.

– Да фамилию-то ты знаешь?..

– Как не знать: у нас забирают провизию. Только вот, что хочешь, не держится она у меня в голове, проклятая... В который раз забываю...

– Не Кистяков?

– Ну, ну... Кистяков и есть... А ты что? Знавал его раньше или так, что-нибудь слышал о нем?

– Должно быть, что знавал, если мы с ним месяца два жили даже в одной комнате, когда учились в университете, – задумчиво проговорил Межин. – Ах, киста негодная!.. Скажите, пожалуйста, каким идиолом теперь выступает!.. А ведь ни ума, ни характера, ни каких-нибудь способностей – ничего у него не было!..

– Да надо полагать, и теперь не прибыло. Говорят, у него жена что хочет, то и делает с ним, – равнодушно сказал Савиных и, взяв его за рукав пальто, повел в «Москву».

– Скажи, пожалуйста, каким небожителем смотрит!.. Белый, пухлый, важный, блаженный! – продолжал тихонько восклицать Межин, идя рядом с ним, но глядя только себе под ноги и думая лишь о неожиданно встретившемся ему «небожителе».

II

В трактире, в «Москве», Межин обыкновенно проводил чуть ли не большую часть дня. Там он ел, пил, виделся с знакомыми, писал бумаги и, вообще, вел свои «аблакатския» делишки, которыми занимался уже года три, то есть, с тех пор, как потерял свое последнее место и не мог найти никакого другого. На «Москву» он привык смотреть как на свою настоящую квартиру, и иногда говорил, посмеиваясь, что у него вон какая резиденция: обширная, светлая, теплая, гостеприимная, – с утра до ночи накрыты столы для всех жаждущих и алчущих, с утра до ночи поддерживается огонь под кухонной плитой...

Но сегодня «Москва» произвела на него далеко не приятное впечатление. Оклеенные пестрыми обоями стены показались ему заплеванными, столы – засаленными и загаженными, половые – «хамами», празднично настроенные посетители – пьяными скотами, а его клиенты – мерзкими кляузниками, которым следовало бы надавать, вместо юридических советов, хороших пинков.

– Ну, чего придираешься? – сказал Савиныч, выпив две – три рюмки водки, и собравшись идти опять в лавку. – Пошел бы лучше в баню, или хоть истопил бы у себя пожарче печку, да хорошенько натер бы себе поясницу камфарным спиртом! – и живо прошло бы...

– При чем тут поясница? – хмуро проворчал Можин.

– При том, что это, ведь, она придирается ко всему. А ты, умный человек, не догадался об этом?.. Она! – уверенно повторил Савиныч и, надвинув, на лоб картуз, ушел.

Однако, хотя простуженная поясница действительно заявляла о себе порядочною болью при каждом неосторожном движении Межина, все же настоящей причиной его дурного настроения являлась не она или, по крайней мере, не одна она. Было что-то другое. Но что именно?.. Так как Межину беспрестанно вспоминалась его встреча с бывшим школьным товарищем, то ему подумалось, наконец: уж не она ли подействовала так скверно на его расположение духа? Но, подумав это, он только презрительно скривил губы. Вот вздор! Какое ему дело до этого пухлого Кистякова и до того, – здесь ли он, или где-нибудь в преисподней?.. Даже и в прежнее время между ними было так же мало общего, как между ним и хоть бы этим стулом, что торчит напротив него по другую сторону стола, – а теперь этого общего осталось, конечно, еще меньше... Не в Кистякове дело... Тем более, что и овладевшее им, Межиным, дурное настроение овладело им не вдруг, не сегодня, а понемногу, постепенно, незаметно стало пробираться в него, пожалуй, еще дня три назад, – именно накануне праздников, когда вся городская жизнь, уличная и домашняя, пошла несколько иначе, когда все люди принялись словно готовиться к встрече какого-то давножданного, дорогого и милого гостя. Какого?.. «Одно

свинство!» – подумал Межин и сделал брезгливую гримасу, вспоминая, как, после всех этих торжественных приготовлений, дело кончилось только тем, что по всем улицам зашныряли, да и теперь еще шныряют, целые толпы полупьяных «поздравителей», помышлявших лишь о том, чтобы насобирать побольше «праздничных» гривенников, напиться и нажраться.

III

Межин был женат, у него были дети, — два мальчика, — но еще года три назад Евгения Васильевна, его жена, выхлопотала себе отдельный паспорт и ушла вместе с детьми. Младший ребенок умер в начале этого оканчивающегося теперь года. Жена и старший, семилетний, мальчуган были живы, то есть, по крайней мере, Межин мог полагать, что они живы, так как месяца четыре назад видел их на улице живыми, а с тех пор ни от кого не слышал, чтобы они умерли.

Его семейная история была самая обыкновенная история. Сначала, года два, он жил с женой почти в полном согласии, но потом у них пошла междоусобица, быстро разгоравшаяся. Началось с того, что Евгению Васильевну очень беспокоила дружба, завязывавшаяся у ее мужа с некоторыми чрезвычайно не нравившимися ей господами, действительно далеко не добродетельными и проводившими свои досуги весьма беспечно. Обеспокоившись, Евгения Васильевна, естественно, сочла своим прямым долгом отвратить своего мужа от этих опасных новых друзей и повела решительную войну против них; но, как часто бывает на свете, повела она эту совершенно справедливую войну так необдуманно и неискусно, что только восстановила против себя спутника своей жизни. Раздраженный ее посягательством на его драгоценную свободу, Межин нарочно еще крепче связался со своими новыми

друзьями, чтобы наглядно доказать жене, что намерен жить не так, как ей угодно, а так, как ему больше нравится. Евгения Васильевна, ясно видевшая, что ее недавнему семейному благополучию наступает конец, плакала, тоскливо ломала себе руки, доходила почти до отчаяния, однако — из последних сил продолжала столь неудачно начатую ею войну и... все больше и больше портила свое правое и благое дело. Межин, и прежде не отличавшийся большою склонностью к домоседству, теперь почти перестал бывать дома, так как не находил ни малейшего удовольствия воевать с женой и смотреть на ее слезы. В обществе его новых приятелей было несравненно веселее. Он пил с ними, играл в карты, напивался, засыпал на первом попавшемся диване или стуле; утром кое-как отсиживал несколько часов на службе, а после нее опять начиналось продолжение того, что шло весь прошлый вечер, часть ночи, и было прервано только по немощности человеческой природы, по необходимости для нее хоть некоторого отдыха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.